

Размышления над новой книгой

© 2021 г.

Э.Е. САФРОНОВ

ТРАНСФОРМАЦИИ КАПИТАЛИЗМА В XXI ВЕКЕ: КОНЦЕПЦИЯ «НАДЗОРНОГО КАПИТАЛИЗМА» ШОШАНЫ ЗУБОФФ

САФРОНОВ Эдуард Евгеньевич – младший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН, Москва, Россия (safronoveduard@gmail.com).

Аннотация. Среди работ, попадающих под зонтичный термин «цифровой капитализм», видное место занимает исследование, обобщенно представленное в книге Шошаны Зубофф «Эпоха надзорного капитализма» (2019) и выступающее продолжением ее же концепции «распределенного капитализма». «Надзорный капитализм» – это новый экономический порядок, использующий в качестве капитала человеческий опыт как сырье и характеризующийся распространением коммерческого мониторинга – тотального наблюдения за поведением граждан. В статье исследуется теория Зубофф о «трех модернах» и ключевых императивах «надзорного капитализма»: извлечении данных и прогнозировании поведения потребителя. В завершение приводятся аргументы, указывающие на слабые места этой концепции.

Ключевые слова: надзорный капитализм • капитализм данных • цифровой капитализм • платформенный капитализм • социальная теория

DOI: 10.31857/S013216250010848-5

Введение. Дискуссии о влиянии цифровых информационных сетей на общество и экономику ведутся с момента возникновения самих сетей. Поначалу рассматривался их освободительный и демократический потенциал [Дженкинс, 2019; Tapscott, 1997], позже на первое место вышла критика, появились исследования сети как иерархической и властной структуры [Морозов, 2014; Keen, 2012]. Некоторые авторы заняли взвешенную позицию, исходили из того, что технологии не детерминируют наше будущее, а являются инструментом [Рейнгольд, 2006]. Изучение влияния цифровых технологий на экономику, политику, социальные отношения – большая предварительная работа, в которой следовало перейти от изучения особенностей их использования к осмыслению современного капитализма (пусть даже цифрового) как тотальности. Здесь особое место принадлежит недавней книге Шошаны Зубофф, профессора факультета права в Гарварде, которая имеет знаковое наименование «Эпоха надзорного капитализма» [Zuboff, 2019]¹.

Долгий научный путь автора, несмотря на корректировку и определенный пересмотр взглядов, всегда оставался в рамках изучения трансформаций капитализма, связанных с развитием технологий и цифровизацией. В 1988 г. она выпустила книгу «В эпоху умной машины: будущее труда и власти» [Zuboff, 1988], в которой исследуется влияние автоматизации и начинающейся компьютеризации на производственные отношения и показывается, что автоматизация, «текстуализация» (textualization) и контроль действуют в тесной связи. Зубофф считала, что информатизация и усиление контроля могут привести к

¹ Далее по тексту ссылки на эту работу будут указываться в круглых скобках.

своеобразному «паноптикуму» и тотальному надзору за всеми производственными процессами. В этом случае сам менеджмент оказывается «под колпаком», поэтому осознание общей угрозы – напротив, должно поощрять коммуникацию и консенсус между администрацией и работниками, тем самым создавая «постиерархические» трудовые сообщества. Эта работа стала классикой в теории бизнеса и менеджмента, а Зубофф заняла почетное место среди специалистов по гибким производственным режимам.

Спустя десять лет Зубофф признала, что дальнейшая концентрация технологий на контроле и экономии разочаровала ее. Это заставило ее изменить вектор изучения капитализма с труда на потребление. В результате в 2002 г. вышла книга «Экономика поддержки» [Zuboff et al., 2002], написанная Зубофф в соавторстве с мужем, Дж. Максимином. В ней описывается «новый эпизод капитализма» через приоритет индивидуального потребителя над массовым. В дальнейшем эта идея получила развитие в тексте 2010 г. «Создание стоимости в эпоху распределенного капитализма»².

Ситуация изменилась, когда 6 июня 2013 г. газеты «Guardian» и «Washington Post» опубликовали полученные от Эдварда Сноудена данные о правительственной системе слежения США «PRISM», предназначенной для негласного сбора информации в информационно-коммуникационных технических средствах (ИКТ). Это привело к тому, что в кратчайшие сроки тема надзора получила широкий отклик в академических кругах. 26 июня того же года во *Frankfurter Allgemeine Zeitung* вышла статья Зубофф, в которой она проанализировала взаимоотношения Агентства национальной безопасности США (АНБ) с ключевыми компаниями «Кремниевой долины», сбор пользовательских данных, их анализ и использование³. Та публикация положила начало ее новому масштабному исследовательскому проекту, в дальнейшем получившему название «надзорный капитализм» (*surveillance capitalism*). Чуть больше чем за год Зубофф опубликовала четыре публицистические статьи, которые в 2015 г. вылились в программный текст «Большой Другой: надзорный капитализм и перспективы информационной цивилизации» [Zuboff, 2015]. В этой работе Зубофф описала ключевые концептуальные черты, подробно исследованные в обсуждаемой нами книге 2019 г.

По иронии судьбы термин «надзорный капитализм» впервые был использован на страницах социалистического журнала «Monthly Review». Номер этого журнала, целиком посвященный «надзорному капитализму», вышел на несколько месяцев раньше публикации первого текста Зубофф по этой теме, но в дальнейшем термин закрепится именно за Зубофф, так как ее последняя книга вызвала повышенный интерес в западной прессе.

Генезис нового капитализма. Зубофф предлагает определять «надзорный капитализм» как новую специфическую форму капиталистического накопления, которая стремится стать доминирующей, а настоящее – «информационную цивилизацию» – интерпретирует как следующий шаг от информационного общества к чему-то новому, что пока не обосновывается фундаментально. Согласно Зубофф, «надзорный капитализм изобретен конкретной группой людей в конкретный момент времени в конкретном месте» (р. 85). Эти люди, время и место – топ-менеджмент компании Google, 2001 г. и Кремниевая долина. Мы еще вернемся к этому утверждению, а пока посмотрим, какие предпосылки существовали для возникновения капитализма нового типа. Темпоральность капитализма анализируется ею через идею «трех модернов», которая сводится к постепенному формированию и утверждению индивидуальности. Эти «три модерна» Зубофф не только не имеют отношения к социологическому пониманию современности, представленному, например, у Гидденса, Бека или Баумана [Павлов, 2018], но и не встраиваются в парадигму модерн-постмодерн-постпостмодерн [Афанасов, 2019; Морозов, 2019].

²Zuboff S. Creating Value in the Age of Distributed Capitalism // McKinsey Quarterly. 2010. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/creating-value-in-the-age-of-distributed-capitalism> (дата обращения: 15.03.2021).

³Zuboff S. Be the Friction – Our Response to the New Lords of the Ring // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2013. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/the-surveillance-paradigm-be-the-friction-our-response-to-the-new-lords-of-the-ring-12241996.html> (дата обращения: 15.03.2021).

Первый модерн символизируется Зубофф условным «потребителем Форда». Она описывает его как стабильное, стандартизированное, классовое общество, сохранившее иерархические черты старого мира и подавлявшее человеческую индивидуальность (р. 33). Постепенно демократизация и растущее благосостояние приводят к возникновению «второго модерна». Зубофф считает, что «Второй модерн» появился раньше, чем государство и капитализм смогли на него отреагировать. Это, в свою очередь, привело к экзистенциальному кризису «второго модерна», при котором свободный внутренне человек оказался в жестких рамках стандартизированного потребления и политики. Этот кризис и породил в конечном счете «третий модерн» (р. 46).

В этом ее теоретическом построении «трех модернов» много изъянов и мало объяснительной силы. Если первые два модерна вполне отвечают логике преемственности социального от экономического, являясь следствием «индустриального капитализма», «третий модерн» возникает из социальных противоречий и сам диктует новую экономическую логику.

Что побудило Зубофф включить в исследования термин «надзорный капитализм» как ключевой? Этот резкий теоретический поворот она объясняет через концепт «мутации» Й. Шумпетера. Для Шумпетера мутация служит синонимом инновации, которая при внедрении в производство вызывает процесс «созидательного разрушения», то есть замены старых методов и идей на новые, более эффективные и прибыльные [Шумпетер, 2007]. Мутация рассматривается им как часть эволюционного процесса развития капитализма. Ее инновационная роль усиливается на этапе «второго модерна» (позднее индустриальное общество). В случае же с «третьим модерном», характеризующимся, согласно концепции Зубофф, слиянием капитализма и цифровых технологий, изначально возник глубокий общественный запрос, который монетально заполнила «злочастивная мутация надзорного капитализма». Зубофф дает объяснение того, почему «надзорному капитализму» это удалось вопреки эволюционному процессу. Однако в этом построении отчетливо виден функционалистский подход автора, для которого противоречие «второго модерна» должно быть разрешено новым режимом накопления и распространения знаний. И если вопреки прежним прогнозам этого не сделает эволюционный «распределенный капитализм», то его место легко займет мутация – «надзорный капитализм». Таким образом, постфактум постулируется, что у «третьего модерна» было два пути: дальнейшая индивидуализация потребителя и расширение доступа к информации либо усиление иерархий, власть элит и дальнейшее отчуждение (р. 55).

По мнению Зубофф, второй путь стал на сегодняшний день доминирующим. Вследствие финансового кризиса 2001 г., вызванного крушением «пузыря доткомов» с обвальным падением котировок высокотехнологичных компаний, компании Google пришлось экстренно искать пути монетизации. В результате Google стал пионером и одним из ведущих представителей «надзорного капитализма». В первое время Google обучал свою поисковую машину актуализировать результаты поиска, используя полученные от пользователей данные. Зубофф называет этот процесс «реинвестированием поведенческой стоимости», при котором используются данные, непосредственно относящиеся к поисковому запросу. Однако в процессе поиска возникает также «выхлоп данных» [Cukier, 2010] или «поведенческий излишек». Идея монетизации поведенческого излишка и сделала Google ключевым игроком на рынке пользовательских данных.

Таким образом, данные превратились в сырье, а их сбор стал ключевым императивом «надзорного капитализма». Дополняя историка К. Поланьи и его три фиктивных товара – труд, землю и деньги⁴ [Поланьи, 1993], Зубофф предлагает идею, что «надзорный капитализм» вводит четвертый фиктивный товар – человеческий опыт. Благодаря наличию материальной инфраструктуры данные извлекаются, анализируются узкоспециальными вычислительными системами, в результате анализа прогнозируется поведение пользователя,

⁴ Поланьи выделяет труд, землю и деньги в качестве фиктивных товаров, так как они не соответствуют эмпирическому определению товара как предмета, произведенного для последующей продажи.

и эти прогнозы продаются рекламодателям и конструируют дальнейшее поведение. Извлечение данных наравне с прогнозированием поведения становятся ключевыми императивами «надзорного капитализма» (р. 67). Зубофф неоднократно отмечает беспрецедентную природу «надзорного капитализма», которая позволила ему поставить собственные императивы во главе своей деятельности, подчинив им «классические» императивы капитализма: максимизацию прибыли и производительности труда, минимизацию издержек и конкуренцию [Wood, 1999].

Императивы «надзорного капитализма». Новые императивы становятся мишенью яростной критики. Их осуждение выводит за скобки критику капитализма в целом как сопряжения «рыночных и государственных структур, при котором главной целью и условием властвования становится частное извлечение экономической прибыли практически любой ценой» [Валлерстайн и др., 2017]. Вся происходящая несправедливость становится следствием хищнических императивов конкретной логики накопления, которая представляет угрозу важнейшим человеческим свободам и демократии (р. 193–194).

Рассмотрим первый императив – извлечение излишка данных как «...не единичное действие, а сложнейшая комбинация политических, социальных, административных и технических операций» (р. 137). Зубофф выделяет четыре этапа этого цикла – вторжение, приручение, адаптация, перенаправление. Вторжение является цифровым аналогом «первородного греха простого грабежа» Ханны Арендт, периодическое повторение которого позволяет продолжаться накоплению [Арендт, 1996: 216–217]. Эта аналогия демонстрирует, что изъятие – односторонний процесс, при котором первоначальный владелец лишается данных, ничего не получая взамен. Это возможно за счет того, что агенты «надзорного капитализма» действуют в так называемом пространстве безвластия. Зачастую влияние технологических инноваций не сразу становится очевидным и проблематизируется, что позволяет технологическим гигантам опережать регулирование и юридическую реакцию. Следующий этап – приручение, которое строится на социальной зависимости от ИКТ и интернет-сервисов. Адаптации – это процесс взаимодействия с государством и требованиями законов. Перенаправление – изобретение новых скрытых методов извлечения данных (р. 136–154).

Мы последовательно проходим эти этапы благодаря иерархичности «надзорного капитализма» и заложенной в него логики асимметрии. Асимметрию можно разделить на два типа: в знаниях и в силе [Stjernfelt et al., 2020]. Асимметрия в знаниях – это соотношение объема информации о нас, которой владеет условный Google, и информации о Google, которой владеем и оперируем мы [Vaidyanathan, 2011]. Асимметрия в силе – возможность цифровой платформы существовать без отдельного пользователя, против возможности отдельного пользователя существовать без цифровой платформы. Важным последствием асимметрии становится переход от разделения труда к разделению знания. Если Э. Дюркгейм утверждал, что разделение труда не замыкается на рабочих местах, а начинает формировать и организовывать само индустриальное общество [Дюркгейм, 1991], то для Зубофф катализатором такого преобразования служит разделение знания (еще одна концепция, переключившаяся из первой книги рассматриваемого автора), полностью контролируемого «надзорным капитализмом». Контроль над разделением знания осуществляется благодаря «двум нарративам». Первый – открытый, это публичное понимание ИКТ как хранилища доступной информации и социальных связей. Второй – теневой нарратив, накопление и обработка излишка данных, позволяющие формировать открытый нарратив. Знание аккумулируется и распределяется корпорациями (р. 189–191).

Перейдем ко второму императиву «надзорного капитализма» – императиву предсказания поведения. Прогнозы, полученные путем анализа поведенческого излишка, сделали возможной таргетированную рекламу. Однако в дальнейшем стало понятно, что их точность обусловлена не только количеством полученного излишка, но и его качеством, т.е. шириной источников; не только данными с интернет-страниц, но и данными непосредственного наблюдения, сбор которых реализован через системы умных домов, цифрового

картографирования, фитнес-трекеров и других средств «колонизации повседневной жизни» [Гринфилд, 2018].

Основанием для критики «надзорного капитализма» является то, что он угрожает свободам и правам индивида. Для Зубофф это «право на будущее время» (right to the future tense) и «право на убежище» (the right to sanctuary). «Право на будущее время» попирается двумя способами. Во-первых, поисковые системы сохраняют и индексируют всю информацию, которая появляется в сети, при этом не учитывается естественный доцифровой процесс устаревания или забывания информации. Так, любое случившееся с нами событие навсегда остается доступным поиску. Во-вторых, предсказанием и последующим формированием нашего поведения [Courtwright, 2019].

Защита «права на убежище» в целом имеет схожую линию аргументации. Здесь Зубофф акцентирует политическую составляющую своей теории, используя два концепта: «инструментарная власть» и «большой другой» («Big Other» по аналогии с «Big Brother» Дж. Оруэлла). Эта концептуализация сводится к тому, что «большой другой» как надзорный капитал использует «инструментарную власть», то есть весь спектр материальных и интеллектуальных наработок «надзорного капитализма» для того, чтобы управлять нашим поведением и стать своеобразным тоталитаризмом без идеологического содержания. «Инструментарная власть» является вышедшим за стены фабрики «паноптикумом». Метафорой «паноптикум» Зубофф отсылает к проекту И. Бентама⁵, но при этом не дает ни одной отсылки к М. Фуко, хотя параллели с «дисциплинарной властью» видны невооруженным взглядом.

Для Зубофф императивы «надзорного капитализма» с «инструментарной властью» существуют в своей замкнутой вселенной, где одно порождает другое и все взаимосвязано, что позволяет ей выносить за скобки и упорно не замечать классические императивы капитализма (прежде всего, максимизацию прибыли, которая отлично описывает логику происходящего) и свойства власти. Само становление «надзорного капитализма» тесно связано с государством. Новая логика накопления капитала смогла закрепиться благодаря следующим причинам: экзистенциальным противоречиям «второго модерна», политике неолиберализма и противостоянию террористической угрозе после событий 11 сентября 2001 г. Зубофф критикует неолиберализм за дерегулирование, которое не позволило вовремя купировать «злокачественную мутацию» капитализма. Обращаясь к концепции «двойного процесса» упомянутого ранее Поланьи [2014], она показывает, как дерегулирование выключило государство из процесса уравнивания рыночных нововведений и защиты потребителей. Теракт 11 сентября стал точкой, в которой сошлись коммерческие и государственные интересы по сбору пользовательских данных, за счет чего «надзорный капитализм» получил на ранних этапах поддержку и прикрытие от спецслужб. При этом Зубофф, в отличие от левых теоретиков «надзорного капитализма» [Bailey et al., 2014] или создательницы «капитализма данных» (который во многом схож с концепцией Зубофф) Сары Уэст [West, 2017], упускает из виду саму генеалогию американского высокотехнологичного сектора из взаимодействия его с разведкой и оборонным комплексом.

Заключение. Шошана Зубофф неоднократно отмечает, что ее книга – попытка наметить границы «надзорного капитализма»; поскольку пока мы не можем полноценно противостоять этой формации, наша задача подробнее изучить законы его функционирования. За шесть лет с момента публикации первой статьи, посвященной теме «надзорного капитализма», Зубофф проделала огромную работу по анализу цифрового капитализма. Однако, на наш взгляд, ее работа в нынешнем виде открыта для критики и может использоваться

⁵И. Бентам составил проект идеальной тюрьмы – паноптикума, имеющей форму цилиндрического здания со стеклянными внутренними перегородками. Стражник находится в центре, невидим для заключенных и может в любой момент наблюдать за каждым из них. Зубофф применила метафору паноптикума в книге 1988 г. «В эпоху умных машин: будущее работы и власти» (1988), чтобы показать, как компьютерные системы позволяют незаметно отслеживать действия работников в целях контроля их производительности.

скорее в качестве источника эмпирических данных, нежели строгая концептуальная рамка. Теория Зубофф существует в публицистическом поле: большинство ее нововведений не отсылают к дискуссии, которая окружает цифровой капитализм не первый год [Сафронов, 2019]. В своей работе Зубофф не анализирует другие концепции, а чаще берет удобные ей факты и вписывает их в свою теорию. Фокус на императивах «надзорного капитализма» лишает работу критического потенциала.

В концепции нет четкой демаркации границ между «надзорным» и «распределительным» капитализмом, который Зубофф считает единственной альтернативой. Автор не рассматривает капитализм в целом, из-за этого процесс коммодификации данных пользователя может выступать у нее и как изъятие в случае «плохого капитализма», и как благо для индивидуализации потребностей потребителя. Е. Морозов отмечал, что дискурсивный анализ Зубофф «имеет тенденцию обнаруживать новизну там, где ее может не быть»⁶, и обращал внимание на то, что коммодификация поведенческого излишка через закон обратной связи, известный в кибернетике с 1940-х гг., предсказывалась еще Стаффордом Биром, кибернетиком, курировавшим чилийский эксперимент. То же самое можно сказать и про «императив прогнозирования поведения», который в той или иной мере представлен с момента появления социальных наук, давно известен и эффективно применялся в «аналоговые» времена [Шиллер, 1980].

Автор не акцентирует внимание на том, чем нынешние попытки рационализации поведения качественно отличаются от предыдущих, хотя Зубофф неоднократно пишет о «беспрецедентности» новой экономической формации. «Количественный» аргумент об огромных массивах собираемых, обрабатываемых и анализируемых данных тоже не работает. В концепции не исследована физическая возможность бесконечного анализа данных и пределы их сбора, хотя многие ученые занимают позицию, согласно которой анализ пользовательских данных становится менее эффективным с каждым днем за счет «мусорных данных».

Зубофф не исследует экосистему сети в целом, где кроме изъятия данных существует нематериальное, интеллектуальное производство, создающее контент и делающее возможным существование интернет-гигантов. «Разделение знания», экспроприированного корпорациями, по мнению Зубофф, снимает фокус с «разделения труда». Однако любой ИТ-гигант – это не только офис в Кремниевой долине, но и тысячи precarious слабозащищенных работников по всему миру.

Если абстрагироваться от исследовательской оптики Зубофф, то на поверку «надзорный капитализм» оказывается цифровым воплощением известных принципов капитализма. Как писал британский социолог Кришан Кумар: «Информационный взрыв не произвел никаких радикальных сдвигов ни в том, как организованы индустриальные общества, ни в том, куда направлено их развитие. Господствуют те же императивы получения прибыли, власти и контроля, как это было всегда в истории капиталистического общества. Различие не в самих принципах его организации, а в том, насколько широко и последовательно они применяются» [Kumar, 2004].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
- Афанасов Н.Б. В поисках утраченной современности // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1. С. 256–265. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-1-256-265.
- Валлерстайн И., Коллинз Р., Манн М., Дерлугьян Г., Калхун К. За следующим поворотом истории: коллективное предисловие // Есть ли будущее у капитализма? М.: Ин-т Гайдара, 2017. С. 7–23.
- Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М.: «Дело» РАНХиГС, 2018.
- Дженкинс Г. Конвергентная культура. М.: РИПОЛ классик, 2019.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.

⁶ Morozov E. Capitalism's New Clothes. 2019. URL: <https://thebaffler.com/latest/capitalisms-new-clothes-morozov> (дата обращения: 15.03.2021).

- Морозов А.В. Осторожно, метамодерн: современность как зонтик и маятник // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019. № 3. С. 238–249.
- Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: Corpus, 2014.
- Павлов А.В. Социальная теория: постмодернистский поворот – модернистский разворот // *Общественные науки и современность*. 2018. № 5. С. 158–170. DOI: 10.31857/S086904990000393-4.
- Поляны К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги // *Thesis*. 1993. № 2. С. 10–17.
- Поляны К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алтейя, 2014.
- Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИРПРЕСС, 2006.
- Сафронов Э.Е. Как акселерационизм превратился в платформенный капитализм // *Логос*. 2019. Т. 29. № 3. С. 279–289.
- Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980.
- Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.
- Bailey R., Purkayasha P. U.S. Control of the Internet // *Monthly Review*. 2014. Vol. 66. No. 3. URL: <https://monthlyreview.org/2014/07/01/u-s-control-of-the-internet> (дата обращения: 31.07.2020).
- Courtwright D. Age of Addiction: How Mad Habits Became Big Business. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019.
- Cukier K. Data, Data Everywhere // *Economist*. 2010. February 27. URL: <http://www.economist.com/node/15557443> (дата обращения: 15.03.2021).
- Keen A. Digital Vertigo. New York: St. Martin's press, 2012.
- Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 2004.
- Stjernfelt F., Lauritzen M. Your Post has been Removed. Tech Giants and Freedom of Speech. Switzerland: Springer, 2020.
- Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York: McGraw-Hill, 1997.
- Vaidyanathan S. The Googlization of Everything: (And Why We Should Worry). Oakland: University of California Press, 2011.
- West S. Data Capitalism: Redefining the Logics of Surveillance and Privacy // *Business & Society*. 2017. Vol. 58. No. 1. P. 20–41. DOI: 10.1177/0007650317718185.
- Wood E. The Origin of Capitalism. New York: Monthly Review Press, 1999.
- Zuboff S. Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization // *Journal of Information Technology*. 2015. Vol. 30. No. 1. P. 75–89. DOI: 10.1057/jit.2015.5.
- Zuboff S. In the Age of the Smart Machine. New York: Basic, 1988.
- Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. New York: Public Affairs, 2019.
- Zuboff S., Maxmin J. The Support Economy: Why Corporations Are Failing Individuals and the Next Episode of Capitalism. New York: Viking Press, 2002.

Статья поступила: 02.09.20. Финальная версия: 22.03.21. Принята к публикации: 25.03.21.

TRANSFORMATION OF CAPITALISM IN THE 21st CENTURY: “SURVEILLANCE CAPITALISM” CONCEPT BY SHOSHANA ZUBOFF

SAFRONOV E.E.

Institute of Philosophy Russian Academy of Science, Russia

Eduard E. SAFRONOV, Junior Research Fellow, Institute of Philosophy Russian Academy of Science, Moscow, Russia (safronoveduard@gmail.com).

Abstract. Among the works falling under the umbrella term “digital capitalism”, Shoshanna Zuboff’s book “The Age of Surveillance Capitalism” (2019), which continues her concept of “distributed capitalism”, holds an important place. “Surveillance capitalism” is a new economic order that use human experience as raw material. The article discusses Zuboff’s theory of the «three moderns» and the key imperatives of “surveillance capitalism”: data extraction and predicting consumer behavior. The author concludes with critical arguments pointing out the weaknesses of this concept.

Keywords: surveillance capitalism, data capitalism, digital capitalism, platform capitalism, social philosophy, social theory.

REFERENCES

- Afanosov N.B. (2019) In Search of Lost Modernity. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [The Russian Sociological Review]. Vol. 18. No. 1: 256–265. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-1-256-265. (In Russ.)
- Arendt H. (1996) *The Origins of Totalitarianism*. Moscow: CentrCom. (In Russ.)
- Bailey R., Purkayasha P. (2014) U.S. Control of the Internet. *Monthly Review*. Vol. 66. No. 3. URL: <https://monthlyreview.org/2014/07/01/u-s-control-of-the-internet> (accessed 31.07.2020).
- Courtwright D. (2019) *Age of Addiction: How Mad Habits Became Big Business*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Cukier K. (2010) Data, Data Everywhere. *Economist*. February 27. URL: <http://www.economist.com/node/15557443> (accessed 15.03.2021).
- Durkheim E. (1991) *The Division of Labor in Society. The Rules of Sociological Method*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Greenfield A. (2018) *Radical Technologies: The Design of Everyday Life*. Moscow: "Delo" RANEPa. (In Russ.)
- Jenkins H. (2019) *Convergence Culture*. Moscow: RIPOL classic. (In Russ.)
- Keen A. (2012) *Digital Vertigo*. New York: St. Martin's press.
- Kumar K. (2004) *From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World*. 2nd ed. Oxford: Blackwell.
- Morozov A.V. (2019) "Look Out! This is Metamodern": Modernity as an Umbrella and a Pendulum. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019. No. 3: 238–249. (In Russ.)
- Morozov E. (2014) *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. Moscow: Corpus. (In Russ.)
- Pavlov A.V. (2018) Social Theory: Postmodern Turn – and Modernist Turn Out. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 5: 158–170. DOI: 10.31857/S086904990000393-4. (In Russ.)
- Polanyi K. (1993) The Self-Regulating Market and the Fictitious Commodities: Labor, Land and Money. *Thesis*. No. 2: 10–17. (In Russ.)
- Polanyi K. (2014) *The Great Transformation*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Rheingold H. (2006) *Smart Mobs*. Moscow: FAIRPRESS. (In Russ.)
- Safonov E. (2019) How Accelerationism Became Platform Capitalism. *Logos*. Vol. 29. No. 3: 279–289. (In Russ.)
- Schiller H. (1980) *The Mind Managers*. Moscow. (In Russ.)
- Schumpeter J. (2007) *The Theory of Economic Development*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Stjernfelt F., Lauritzen M. (2020) *Your Post has been Removed. Tech Giants and Freedom of Speech*. Switzerland: Springer.
- Tapscott D. (1997) *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York: McGraw-Hill.
- Vaidyanathan S. (2011) *The Googlization of Everything: (And Why We Should Worry)*. Oakland: University of California Press.
- Wallerstein I., Collins R., Mann M., Derluigan G., Calhoun C. (2017) Collective Introduction: The Next Big Turn. In: *Does Capitalism Have a Future?* Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)
- West S. (2017) Data Capitalism: Redefining the Logics of Surveillance and Privacy. *Business & Society*. Vol. 58. No. 1: 20–41. DOI: 10.1177/0007650317718185.
- Wood E. (1999) *The Origin of Capitalism*. New York: Monthly Review Press.
- Zuboff S. (2015) Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization. *Journal of Information Technology*. Vol. 30. No. 1: 75–89. DOI: 10.1057/jit.2015.5.
- Zuboff S. (1988) *In the Age of the Smart Machine*. New York: Basic.
- Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism*. New York: Public Affairs.
- Zuboff S., Maxmin J. (2002) *The Support Economy: Why Corporations Are Failing Individuals and the Next Episode of Capitalism*. New York: Viking Press.

Received: 02.09.20. Final version: 22.03.21. Accepted: 25.03.21.